

Трансформация политических институтов и общественных структур современной России*

Яков Пляйс

Начиная со середины XIX в., то есть с момента активного перехода Европы к демократии, все большую роль в политической системе государственной и общественной жизни стали играть политические партии и партийные системы. Это происходило потому, что именно политические партии не только аккумулируют, но артикулируют и отстаивают наиболее важные интересы различных социальных групп, слоев и классов.

В ситуации, когда государство стало все больше отдаляться от основной массы населения и не выполнять в достаточной мере свои функции выразителя интересов граждан, потребовались организации, способные заполнить эту брешь и выполнить эту миссию.

Политические партии, занимающие промежуточное положение между гражданским обществом и государством, идеально подходят для такой миссии, если они не бутафорские и не марионеточные.

Однако главная проблема в любой стране состоит в необходимости согласования, как правило, противоречивых интересов различных социальных

страт и подведения под них общего знаменателя в виде согласованных компромиссных решений.

Эту задачу можно реализовать лишь посредством системы и необходимых для этого механизмов согласования интересов и выработки общезначимых решений.

В различных политических системах встроены в них партийные систе-

ПЛЯИС Яков Андреевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политологии Финансовой академии при Правительстве РФ.

Ключевые слова: партии и партийные системы, гражданское общество, избирательная система.

* Окончание. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2009. № 5, 6.

мы играют различные концептуальные и сущностные роли.

Для каждого типа политической системы характерен особый тип взаимоотношений и взаимодействий с партийной системой.

Рассмотрим, как складываются отношения между тоталитарным политическим устройством* (прежде всего государством) и соответствующей ему партийной системой. Назовем этот тип взаимоотношений *тоталитарным* и отметим, что он может образоваться лишь в стране с невысоким уровнем общего и политического развития населения и при наличии благоприятной для возникновения такой системы внутренней и внешней ситуации.

Такая ситуация складывается (образуется), как правило, при угрозах, которые должны быть достаточно значительны и очевидны для нации, чтобы она согласилась на всевозможные ограничения ради выживания. Но и в этом случае роль уровня развития нации, ее менталитета играют приоритетную роль.

При таком устройстве правящая партия, выступающая идеологом и ар-

хитектором формирования нового государственного устройства, превращается в абсолютного хозяина, а ее лидер-вождь – в диктатора. Государственный аппарат становится инструментом абсолютной власти в руках партии и вождя. Государство приватизируется партией и превращается в партию-государство.

В таком устройстве и в таком типе взаимоотношений заключены большие достоинства и, вместе с тем, огромные недостатки.

В чем же состоят достоинства?

На этапе, когда требуется максимальная мобилизация (например, на этапе опасного отставания страны в какой-либо жизненно важной области или на этапе ведения войны или другой опасной для страны ситуации), тоталитарная система предстает перед нами как весьма эффективная.

Концентрируя и направляя в соответствии с волей руководства партии, партийной идеологией и партийной программой весь потенциал страны на решение наиболее важных и сложных внутренних и внешних задач, как их

* Под тоталитарным политическим устройством автор имеет ввиду лишь такое устройство общественно-политической и экономической жизни, при котором власть и, прежде всего, правящая партия полностью (тотально) контролирует и направляет деятельность всех этих сфер. Такой тоталитаризм можно обоснованно определить как абсолютный. На взгляд автора, именно таким и может быть подлинный тоталитаризм.

Если же какая-то сфера жизни не контролируется властями, то это уже ограниченный тоталитаризм, а на самом деле даже уже не тоталитаризм. В основе такого подхода лежит только один признак – критерий: масштаб охвата властным контролем различных сторон жизни общества. Если контроль тотальный, то есть все основания говорить о тоталитаризме, если нет, то надо искать другой термин.

Различные идеологические определения (коммунистический, или левый, национал-социалистический, он же фашистский, или правый) при таком подходе не играют никакой роли.

Но возникает вопрос: А как же другие признаки тоталитаризма – наличие массовой партии, которая осуществляет власть; доминирующая роль официальной идеологии, исходящей от харизматического вождя; массовые репрессии и др.? Разве они не важны и не играют никакой роли?

Они, безусловно, важны, и каждый из них играет важную роль. Но все они всего лишь инструменты, необходимые власти для установления и поддержания тотального контроля.

При таком определении тоталитаризма неизбежно напрашивается следующий вопрос: Как охарактеризовать власть национал-социалистов, фашистов, при которой экономика была относительно свободной? На мой взгляд, как фашистскую диктатуру.

понимает господствующая партийная элита, тоталитарная система способна достичь выдающихся успехов и притом в кратчайшие исторические сроки. Высокая эффективность достигается, однако, лишь в том случае, если страна богата людскими и иными ресурсами. Но кроме ресурсов необходима также крупномасштабная, высокая, увлекательная идея, признаваемая всей нацией как жизненно важная не только на текущий момент, но и на перспективу.

Эта идея, прямо связанная с идеологией господствующей партии, становится своеобразной государственной идеей фикс, ради которой общество готово терпеть не только всевозможные лишения, но и жертвовать собой в критических ситуациях.

Благодаря этому задачи, которые ставят партия и ее вождь, выступающий от имени партии, могут быть решены в максимально сжатые сроки и с достаточно высокой степенью эффективности.

Примеров, подтверждающих сказанное, в советской истории достаточно.

Достаточно вспомнить индустриализацию и культурную революцию в СССР, войну против немецкого фашизма, послевоенную реконструкцию народного хозяйства, создание ракетно-ядерного щита, освоение космоса, природных ресурсов Западной Сибири и т.д.

Важное достоинство тоталитаризма со временем неизбежно превращается в серьезный недостаток.

Состоит он в том, что монополия партии-государства на все и вся сковывает энергию и предприимчивость народа, превращает большинство в вынужденного пассивного наблюдателя, ждущего команды или, хуже того, в иждивенца. Это, несомненно, значительно тормозит общий прогресс. Другой порок заключается в том, что решение цели достигается, как правило,

очень высокой ценой, с большими людскими потерями и, как правило, в ущерб решению других серьезных проблем, главным образом социальных. К сказанному нельзя не прибавить неизбежные репрессии, сопровождающие тоталитаризм, а также всевозможные унижительные ограничения свободы людей, попрание их личных прав и человеческого достоинства.

Именно поэтому тоталитарная система вызывает не только массовый скрытый, а иногда и открытый протест населения, что, в конце концов, и приводит ее к гибели. Поэтому есть все основания считать, что тоталитарная система, изначально запрограммирована на самоуничтожение.

Следующим серьезным изъяном тоталитарного типа взаимоотношений между политической и партийной системами является то, что неверное определение целей и задач влечет за собой огромные затраты ресурсов (нередко впустую) и, самое главное, движение в неверном направлении.

Именно это приводит к удлинению пути развития, негативно сказывается на состоянии общества, обнаруживающего в какой-то момент времени, что правящие силы неверно определили цель и задачи движения, что огромные ресурсы израсходованы напрасно и что многое придется переделывать. Наступает период осмысления пройденного пути. Разочарований, растерянности, недовольства. Все это превращается в Смуту и сопровождается апатией значительной части населения, социальным брожением, критикой властей, увеличением отставания от других стран и многими другими негативными явлениями.

Следует сказать, что общество с низким или невысоким уровнем развития и такими же запросами относится к недостаткам тоталитарной системы достаточно терпеливо. Если человеку не-

чего или мало что терять, то цена потерь для него не столь значительна, как и переживания по поводу этих потерь. И наоборот. Чем выше уровень развития общества, тем оно восприимчивее к цене преобразований и потерям и, естественно, требовательнее к действиям властей.

Устав от долгого сверхнапряжения, всевозможных ограничений и самоограничений, не видя обещанного светлого будущего, райского изобилия и несущего всеобщее процветание мирового господства, общество начинает все настойчивее требовать перемен и ослабления обручей тоталитаризма. Не реагировать бесконечно долго на состояние общества, на социальное брожение ни одна власть, включая тоталитарную, не может. Хотя именно тоталитарная система, в отличие от демократической, не торопится это делать, тянет до последнего, пока не становится очевидным, что эпоха перемен неизбежна, что оттягивать преобразования становится для нее все более опасным.

Кто же должен определить степень усталости социума и, соответственно

необходимость и момент перехода от одного состояния к другому?

Это задача правящих сил (читай – властвующей элиты или хотя бы ее части) и, безусловно, партии как аккумулятора и индикатора настроений масс. Если эти силы, конечно, не оторвались от масс окончательно и не потеряли способность к адекватному анализу ситуации и такой же адекватной реакции.

Когда наступает момент, указывающий на необходимость перемен и тем более полного отказа от устаревшей тоталитарной модели, роль правящей элиты и партии многократно возрастает. Отказ от тоталитаризма, переход к авторитарному устройству, сопровождающийся ослаблением диктатуры сначала, как правило, в экономической области*, а затем постепенно в политической и идеологической, проходит успешнее там, где партийно-политическая элита уверенно руководит этим процессом, зная, почему, что и как надо делать и куда следует двигаться.

Наглядным положительным примером здесь служит Коммунистическая партия

* Связано это с тем, что именно в экономической сфере наиболее остро проявляются недостатки тоталитаризма. Скованная командно-административной системой, экономика то и дело дает сбои. Тоталитарная экономика способна демонстрировать высокие результаты на этапе создания фундамента и экстенсивного развития. Но устойчивое интенсивное развитие такой экономике не по плечу.

Высокая ресурсозатратность и сравнительно низкая эффективность априори нуждается в богатых источниках природных и человеческих ресурсов.

Объективно низкая цена труда – еще одна причина невысокой эффективности тоталитарной экономики. Получая низкую заработную плату, человек изначально ограничивается в удовлетворении своих потребностей, что также негативно действует не только на его психологию, но и на покупательную способность населения и, соответственно, на производство товаров потребления.

Но дело не сводится только к этому. Осознавая свою полную зависимость от патерналистского государства, человек невольно превращается в иждивенца, вынужденного ожидать команды. Это, безусловно, сковывает его инициативу и творчество.

Этот порок тоталитарной экономики имеет фундаментальное значение. Воздействуя на все стороны общественной и государственной жизни, он подчиняет себе политическую, и духовную, и всякую иную жизнь, которые в государстве абсолютного тоталитаризма целиком зависят от воли высших властей. Это фактически парализует какую-либо политическую и духовную инициативу населения, подчиняет ее высшей воле. Контрольная (на самом деле сковывающая) функция власти является, пожалуй, основной причиной, ведущей тоталитаризм к саморазрушению.

Китай и не менее наглядным отрицательным примером – КПСС.

Переход к новому общественно-политическому устройству влечет за собой и изменение типа взаимоотношений между политической системой, в первую очередь, государством и правящей партией.

Если партия способна адекватно реагировать на изменения в настроениях и запросах общества, понимает особенности времени и состояние внешнего мира, она, скорее всего, будет способна возглавить трансформацию и одновременно самообновиться, и наоборот. В любом случае это будет непростая судьба. К сказанному следует добавить, что, решаясь на радикальную трансформацию, партия должна быть готова и к тому, что рядом с ней неизбежно появятся другие мощные силы, оппоненты, также претендующие на первые роли.

Для правящей тоталитарной партии такая ситуация – это момент истины, момент проверки на зрелость, прочность и умение выживать. Это также момент крайнего напряжения всех сил, прежде всего интеллектуальных. Фактически в этот момент партия испытывается на способность, переродившись, выжить. И поскольку в любой партии, но особенно тоталитарной, всегда есть ортодоксальные и консервативные силы, без ожесточенной борьбы такой перелом (на самом деле идейно-политическая революция) произойти не может. Победа консервативных сил – это путь к полному банкротству партии и потере ее абсолютной власти.

Пример КПСС показал это весьма убедительно.

К этому прибавилась еще и трагедия распада страны, резкого многократного падения уровня жизни абсолютного большинства ее граждан и многие другие беды.

Триумф реформаторов открывает дорогу обновлению, перспективу трансформации и партии, и политической системы в целом, всех сфер государственной и общественной жизни. Дорога, ведущая к обновлению, разумеется, также не усыпана розами, реформы сложны и дорогостоящи, но все это не идет ни в какое сравнение с трагедией, берущей начало в победе консервативных сил.

Что же необходимо для того, чтобы в тоталитарной партии возобладали реформаторы, а не консерваторы?

Необходима, прежде всего, ясная программа действий, основанная на глубоком и всестороннем анализе альтернатив развития. Безусловно, необходимо также, чтобы в эту программу искренне верили те, кто понимает, что без обновления партии, ее глубокого реформирования невозможна и модернизация политической системы. Партия – ядро системы, ее основной генератор и двигатель. Поэтому начинать надо именно с ее обновления. Давая себе при этом отчет, что может случиться и раскол партии. Если организационное единство сохранить невозможно, то надо смело решаться на размежевание и раскол.

Демократическую политсистему возможно представить без устойчивого и постоянного взаимодействия с гражданским обществом.

Давно сформировавшиеся и ставшие чуть ли не аксиоматичными (не только в политологии) представления о гражданском обществе сводятся к тому, что такое общество может быть реальным и действенным только лишь при зрелой демократии, высоком уровне развития общества и государства и, разумеется, наличии политически образованных и активных граждан.

Все эти критерии и параметры, бесспорно, важны и необходимы для зре-

лого гражданского общества. Однако нельзя себе представить, в том числе методологически, чтобы такое зрелое гражданское общество вдруг возникло из ничего и одновременно. Как и всякое общественное явление, гражданское общество имеет свои истоки и этапы развития. Но это не все.

С точки зрения автора, существуют еще *различные типы гражданского общества*.

Речь идет не только о западных и восточных типах гражданского общества, весьма различающихся между собой, но и гражданских обществах, относящихся к различным социально-политическим системам. Следует обратить внимание на то, что качественные характеристики того или иного этапа развития гражданского общества зависят не только от того, на какой стадии своей истории находится общество, но и от соотношения городского и сельского населения, классовой стратификации, производственной концентрации и других обстоятельств.

Значительно сложнее, конечно объединять людей, которые рассредоточены, не могут ясно определить свои интересы, потенциал своей организованной защиты и пр. Поэтому наряду с определенной государственной политикой в отношении своих граждан и их организаций, важное значение имеют и разнообразные объективные обстоятельства, характеризующие качественное состояние общества.

Однако невысокий уровень гражданского самосознания и определенная его направленность характерны не только для общества с низким общим уровнем развития. Такое состояние вполне возможно и для общества, живущего при тоталитарном или жестком авторитарном режиме.

Эта проблема настолько важна и актуальна для нас и других транзитных стран, что требует специального рассмотрения.

Однако прежде необходимо остановиться на другом крайне важном и для науки, и для практики вопросе: Существует ли гражданское общество в тоталитарных и авторитарных странах и, если существует, то какова его характеристика?

Позиция большинства ученых на этот счет достаточно категорична: в таких странах гражданского общества нет и быть не может по определению. Раз нет благоприятных условий для его существования и эффективной деятельности, то о чем можно говорить*.

Точка зрения автора по этому вопросу отличается от общепринятой и изложенной во многих трудах. Состоит она в том, что в таких странах существует зачаточное гражданское общество если мерить его строгими демократическими мерками, точнее говоря, *протогражданское* общество, или же гражданское общество особого типа, если подходить к вопросу диалектически.

* Большинство отечественных, и зарубежные ученые солидарны в том, что нет достаточных оснований говорить о том, что в тоталитарных и авторитарных странах может возникнуть, существовать и развиваться гражданское общество. «Коммунистический режим, – пишут, например, английские авторы русско-английского толкового словаря «Политика», опубликованного в 1996 г. издательством Оксфордского университета, а в 2001 г. издательством «Весь мир», – не одобрял существования институтов гражданского общества. Исключение составляет католическая церковь в Польше» (С. 121). Авторы словаря также отмечают, что «необходимость построения гражданского общества после падения коммунизма в странах Восточной Европы с 1991 г. стала главной целью реформаторов в этих странах». (Там же).

Что это значит? Это значит, что и тоталитарные, и авторитарные государства, заботящиеся, как и демократические, о своей устойчивости и долговечности своего существования, **не только вынуждены, но и заинтересованы в создании всевозможных общественных организаций неполитического характера**, которые служили бы власти и позволяли бы ей воздействовать на общество в ее интересах. Поэтому, несмотря на определенную опасность, исходящую от этих организаций, и тоталитарное, и авторитарное государство не только позволяет своим гражданам самоорганизовываться и создавать различные союзы, ассоциации, клубы и пр., но нередко само инициирует их создание, веря в то, что они будут надежными инструментами его воздействия на общество.

Так оно, в общем-то, и есть, но до поры до времени.

Реальная ситуация такова, что эти организации граждан не только служат действующим властям, но и своим членам, то есть интересам определенной части общества и, именно это делает их де-факто структурами, функционально близкими к структурам подлинного гражданского общества.

Однако между первыми и вторыми есть существенная, но *не принципиальная разница*.

Она состоит в том, что основная функция структур, создаваемых по воле или с великого благословения все-мощного тоталитарного или авторитарного государства – служение этому государству, в то время как служение людям стоит на втором плане. При зрелом гражданском обществе все как раз наоборот. Эта разница весьма существенная, но, как представляется, все же не принципиальная, так как служение интересам людей, безусловно, присутствует.

В подтверждение сошлемся на то, что и в СССР, и в других социалистических странах существовало и действовало большое количество разнообразных общественных организаций фактически во всех сферах социальной жизни. И это не только не противоречило действующему законодательству, начиная с Основного закона, а наоборот, было им разрешено.

Так уже в *первой советской Конституции*, принятой V Всероссийским съездом Советов (10 июля 1918 г.) в ст.16 говорилось: "В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов Российская Социалистическая Федерация – Советская Республика, сломив экономическую и политическую власть имущих классов и этим устранив все препятствия, которые до сих пор мешали в буржуазном обществе рабочим и крестьянам пользоваться свободой организации и действия, оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения и организации"¹.

В *Конституции 1924 г.* не было ни одной статьи, в которой говорилось бы о правах граждан или об общественных организациях. В ней содержалось лишь два раздела: первый был посвящен Декларации об образовании СССР, а второй – Договору об образовании СССР¹.

Зато в *Конституции 1936 г.* имелась специальная гл. X – "Основные права и обязанности граждан", ст. 126 которой гласила: "В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самостоятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции добровольно объединяются в Коммунистическую партию Советского Союза, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического

общества и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных"¹.

Конституция 1993 г. также имеет специальную гл. 2 – "Права и свободы человека и гражданина", в которой (ст. 30) констатируется: "1. Каждый имеет право на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных объединений гарантируется.

2. Никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребывание в нем"².

Интересно отметить, что авторы энциклопедического словаря, раскрывая понятие "Гражданское общество", отмечают, что "действующие зарубежные конституции..., как правило, не содержат разделов, посвященных гражданскому обществу. Наиболее старые из них вообще не касаются проблематики гражданского общества; это, в частности, и позволило им пережить коренные общественные трансформации. ... В конституциях "второго поколения", принятых во второй половине XX в., прослеживается большее внимание к институтам гражданского общества, в том числе к социально-экономическим отношениям. ... Иное дело бывшие конституции социалистического типа, открывавшиеся развернутыми разделами об общественном устройстве; это было по-своему логично, ибо речь шла о полностью огосударвленном обществе, которое могло функционировать только в предписанных ему государственной властью направлениях и формах.

При подготовке Конституции РФ 1993 г. предлагалось включить в нее раздел "Гражданское общество". Это означало бы, однако, подчинить складывающиеся в сложный переходный период новые общественные отношения заранее предустановленной регламентированной схеме. Отказавшись от такой схемы, Конституция, вместе с тем, закрепила в первых двух главах ("Основы конституционного строя" и "Права и свободы человека и гражданина") основные условия и предпосылки, необходимые для формирования новой экономической системы и гражданского об-

щества в целом. К ним относились: равенство всех форм собственности, единое экономическое пространство, широкий круг прав и свобод, в том числе обеспечивающих свободу экономической деятельности, свободу труда, активность различного рода общественных объединений, государственное покровительство семье и другим нуждающимся в таком покровительстве институтам гражданского общества"².

Какой же вывод можно сделать из всего сказанного применительно к вопросу о том, есть ли основание считать, что гражданское общество возможно и в тоталитарных, и в авторитарных странах.

Не только конституционные положения, но и положения других законов, конкретные факты, связанные с деятельностью многочисленных общественных организаций в этих странах дают достаточно оснований считать, что своеобразные гражданские общества в них существуют и, более того, достаточно успешно функционируют, защищая разнообразные интересы конкретных граждан.

Конечно, отношения с властью такие общества строят иначе, чем отношения между подлинно демократическим государством и зрелым гражданским обществом.

В тоталитарных и авторитарных странах, это будут отношения типа "хозяин-слуга", а тип гражданского общества можно определить как сервильный. Во втором же случае – это будут партнерские отношения, а тип гражданского общества, соответственно партнерский.

Какой тип более эффективен и рациональнее, говорить и доказывать, очевидно, не имеет смысла.

Но чтобы сложился второй тип, надо иметь многое: прежде всего развитое демократическое государство и развитое сообщество граждан, хорошо

осознающих свои интересы, стремящихся их защитить и понимающих, как это делать. На этапе развития “хозяин-слуга” и первое, и второе находятся в зародышевом состоянии. Но без зародыша, как известно, не бывает и плода.

Тема о гражданском обществе – это, во-первых, тема весьма актуальная для России и нуждается в дальнейшем научном осмыслении, а во-вторых, нынешнее российское гражданское общество, находящееся (по меркам зрелого западного гражданского общества) на начальном этапе своей истории, на самом деле, с точки зрения автора, представляет собой особый, переходный тип гражданского общества, при котором его сервильный характер, типичный для тоталитарного и авторитарного государства, должен приобрести партнерский характер.

Чтобы это состоялось, необходимы и значительная трансформация государства, и не менее значительная трансформация общества. Важно и то, что существуют не только различные типы гражданских обществ, характер и особенности которых заметно различаются от страны к стране (подобно тому, кстати говоря, как различаются демократические устройства различных стран), но и различные этапы развития, и различные степени зрелости этих обществ.

В переходные эпохи, особенно такие, которые следуют за социальными революциями, коренной трансформации подвергаются все стороны общественной и государственной жизни. Не является исключением не только гражданское общество, но и элиты.

Отлаженные в досмутные годы механизмы формирования политической и иных элит, в переходные эпохи либо вообще отбрасываются, либо значительно трансформируются и видоизме-

няются. От того, каков будет новый механизм, в значительной степени зависит будущее страны, общества и государства. Потому что от механизма и эффективности его работы зависит, какой станет элита.

Если механизмы воспроизводства и рекрутирования элит нарушены, разбалансированны, то дела в стране явно пойдут наперекос. Поэтому главная задача революционеров и реформаторов, затевающих и осуществляющих планы по модернизации страны (общества и государства), состоит в том, чтобы основательно подумать наперед, с какими инструментами они будут реализовывать задуманное и, прежде всего, созидать новое после разрушения старого.

Элита, безусловно, играет среди этих инструментов ведущую роль. Но при разных режимах различную. При этом осмысления требуют такие аспекты, как состав элит (особенно политико-административной), который должен соответствовать характеру социально-экономической системы, целям и задачам господствующего класса (гегемона); механизмы трансформации воспроизводства; функциональные характеристики (особенно высшего эшелона).

Закономерность трансформации элит такова, что если господствующий в ней костяк (ядро), сформированный, главным образом, из представителей основного экономического класса, не инкорпорирует в себя добровольно и своевременно представителей растущего нового слоя собственников, то между основными общественными системами – политической и экономической – и их элитами возникает все возрастающее напряжение. Со временем (если не решать эту проблему эволюционно) это напряжение превращается в кризис или даже революцию с тяжелыми последствиями. Поэтому во все времена крайне важна роль социальных

лифтов, которые своевременно решают проблему обновления элит, особенно политико-административных.

Однако при переходе от индустриального к постиндустриальному, информационному обществу, когда заметно падает роль собственности и растет роль интеллектуального труда, процесс элитообразования неизбежно сильно трансформируется. В этой ситуации неизбежно **возрастет роль меритократии.**

В истории случаются ситуации, когда на время закономерности социально-экономического и политического развития уступают место “вывихам”, которые подчас достаточно сложно вернуть на прежнее место (Октябрьская революция 1917 г. – это большой “вывих”, равный тектоническому сдвигу и, как это ни удивительно, революция начала 90-х годов прошлого века – это тоже “вывих”, но малый).

В своеобразное “вывихнутое” положение попадают и элиты, а также механизмы их трансформации, которые сильно деформируются.

Особенность советской номенклатуры – рабоче-крестьянский состав. Такое происхождение априори (особенно поначалу) не в состоянии обеспечить ее способность к исполнению своих институциональных функций. Впоследствии это компенсируется системой образования и селекции.

Закономерность формирования элиты преимущественно из доминирующего экономического класса был нарушен в 1917 г., поскольку не связанная напрямую с собственностью политическая элита не имеет прочных корней в экономической сфере и не может чувствовать себя уверенно. Поэтому измена партийно-советской номенклатурной элиты своей идеологии и политическому строю в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века было не слу-

чайным явлением а, так сказать запрограммированным самой природой. В это время политическая сфера восстановила связь с экономической, заменив право распоряжаться собственностью и ресурсами на право владеть ими не только де факто, но и де юре.

Номенклатура (особенно из рабочих и крестьян) не может обойтись без профессионалов из интеллигенции. Поэтому приток в элиту “со стороны” неизбежен.

Но и новая-старая элита также нуждается в помощниках. Правда, теперь они становятся наемными работниками.

Вхождение (точнее – вторжение) представителей бизнеса во власть в 90-е годы в России по своей сути отличается от естественного процесса в обычных условиях.

Олигархический и криминальный капитализм стремится переделать на свой лад не только бизнес, но и политическую систему, что создает серьезную проблему ее дальнейшего окультуривания. Из этого следует, что систему и механизмы формирования адекватной, то есть высоко профессиональной и функциональной элиты, необходимо основательно осмыслить, а затем уже создать.

Представляется, что элита и, прежде всего, политико-административная, должна формироваться не только из выходцев новых экономических слоев, но и специально подготовленных государственных служащих.

Что касается механизмов и критериев формирования такой элиты, то они должны быть комбинированными, то есть и партийными (партийные лифты), и государственными и общественными (через систему выборов). В каждом из этих механизмов должны быть свои критерии и правила селекции. Иначе говоря, эти механизмы должны быть основаны на формализованной базе. Особой чертой этих механизмов в

современных условиях, в сравнении с прежними, должна быть значительная роль электората (и партийного, и общественного), регламентированная базовыми нормами.

Вообще же избирательная система играет важную роль как в формировании политической элиты, так и политической культуры и укреплении демократических институтов в целом. Однако в тоталитарных странах эта роль минимизирована и формализована, что обусловлено диктатом правящей партии и ее руководством.

В современной России избирательная система прошла через четыре трансформации, а пятая началась осенью 2008 г., вскоре после обнародования президентом страны Д.А.Медведевым своего послания Федеральному Собранию РФ.

На каждом из пройденных этапов корректировалось электоральное законодательство, менялись не только нормы выборов, но и их принципы.

Наиболее существенные изменения в этой области произошли в мае 2005 г., когда президент России Путин В.В. подписал новый закон "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации", вступивший в силу 7 декабря 2006 г., то есть за год до проведения выборов в Госдуму в 2007 г.

В соответствии с этим законом, Госдума стала формироваться исключительно по пропорциональной системе выборов, заменившей собой мажоритарно-пропорциональную (смешанную) систему, существовавшую с 1993 г.

Кроме того, с 5% до 7% вырос градоначальственный барьер, запрещено создание предвыборных блоков и союзов, введены другие новшества.

Электоральные нововведения вызвали неоднозначную реакцию в российском обществе.

На взгляд автора, отказ от прежней системы выборов был поспешным и в

целом неоправданным, хотя бы потому, что в переходные периоды крайне важно формировать не только эффективные партии и партийную систему (эту задачу лучше решает пропорциональная система), но и выявлять и поднимать по социальной и властной лестнице неординарных, талантливых лидеров. С этой проблемой лучше справляется мажоритарная система, а в совокупности обе эти системы адекватнее реализуют важную задачу формирования новой партийной системы – остова новой политической системы и корпуса новой элиты.

Своеобразным компасом во всех этих переходных трансформациях должна служить доминирующая политическая идеология.

На необходимость ее создания общественные правящие круги стали обращать внимание только в последние годы. Речь идет о концепции "суверенной демократии".

Однако создание новой идеологии требует глубокого понимания методологии и различных этапов ее формирования, знания национальных особенностей ее имплантации в массовое сознание и укоренения в нем.

В переходные времена осуществление этой задачи усложняется реструктуризацией интересов социальных страт, переменчивостью вектора политических процессов, частыми изменениями в расстановке и конфигурации политических сил и т.п.

Однако в любом случае процесс внедрения политических идеологий в общественное сознание непростой и нескорый, а генезис идеологии, начиная с ее зарождения в умах теоретиков и заканчивая превращением в партийную или государственную идеологию, а тем более в систему национальных идейных ценностей, представляет собой крайне сложный процесс.

Заключение

Системная трансформация общества и государства (особенно трансформация с неопределенным вектором развития) может быть успешной лишь в том случае, если властвующая элита достаточно ясно представляет себе, что и как надо делать. Из этого следует, что ей должны быть ясны цели и задачи преобразований, объективные и субъективные причины, побудившие отказаться от прежнего устройства общественной и государственной жизни, как эти причины устранить и многое, многое другое.

Если такого понимания нет, будут неизбежны “разброд и шатания”, беспоследовательность, отступления и т.п.

Все это, разумеется, не может не привести к затягиванию процесса трансформации, росту всевозможных затрат и, соответственно, цены преобразований, разочарованию населения, подъему его протестных настроений и многим другим негативным явлениям.

Общим итогом, вполне возможно, будет тотальное поражение идеологов, архитекторов и инженеров преобразований, не достижение их целей и увеличение отсталости страны.

Можно ли корректировать ситуацию на ходу или, как любят выражаться военные, на марше? Частично, конечно можно. В переходные эпохи тактику всегда приходится корректировать, и в этом нет ничего предосудительного и методологически неверного. Но если в ходе трансформации становится ясно, что неверно определены ее главные цели и задачи, дело плохо. Как же быть в таком случае?

Ответ на этот вопрос должна давать, конечно, политическая элита. Какой же ответ дает сегодня наша элита?

Один из ее ответов содержится в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России на пе-

риод до 2020 г., одобренной кабинетом министров 1 октября 2008 г. и подписанной В.В.Путиным в конце ноября этого же года.

Основная стратегическая цель, сформулированная в этом документе – “достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века”.

В соответствии с Концепцией, к 2020 г. Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП, а уровень дохода и качество жизни россиян к этому времени должны приблизиться к уровню развитых стран, что должно иметь и вполне конкретные выражения.

Так, например, показатель ВВП на душу населения должен возрасти с 13,9 тыс. долл. (2007 г.) до более чем 30 тыс. долл. к 2020 г.

Главный замысел Концепции-2020 – переход российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному, социально ориентированному типу развития. Это предполагает, во-первых, опору на модернизацию традиционных секторов экономики (нефть, газ, АПК, транспорт) и, во-вторых, введение инноваций во все отрасли экономики, вследствие чего производительность труда должна вырасти в 3–4 раза³.

Стратегия–2020 вызвала неоднозначную реакцию в отечественном и зарубежном экспертном сообществе.

“Стратегия изначально невыполнима” – к такому выводу пришли, например, в начале апреля 2009 г. участники международной конференции в Высшей школе экономики⁴.

Вскоре после обнародования Концепции и по мере развития и углубления глобального кризиса, поразившего фактически весь мир, в том числе Рос-

сию, возникла необходимость внесения серьезных корректив в Стратегию-2020. В результате в конце 2008 г. правительство приняло план антикризисных действий, который был скорректирован уже в марте 2009 г.⁵.

Наряду с правительственной Программой антикризисных мер и соответствующей комиссией при кабинете министров, созданной в конце 2008 г. и возглавляемой первым вице-премьером И.Шуваловым, занимавшейся разработкой антикризисного плана, может появиться и другая подобная программа. На это указывает создание второй комиссии во главе с Президентом Рос-

сии Д.А.Медведевым, учрежденной его указом от 20 мая, получившей название “Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики”.

В интерпретации главы государства эта комиссия должна заниматься не столько текущим спасением экономики, сколько формированием новой экономической среды. Основной акцент президент намеревается сделать на диверсификации национального хозяйства⁶.

Практика ближайших лет покажет, какая из двух стратегий окажется более эффективной и будет ли реализован масштабный план модернизации российского общества и государства.

Примечания

¹ Конституция общенародного государства. М.: Политиздат, 1978. С. 200, 212–225, 242.

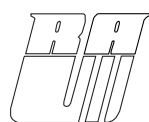
² Конституция Российской Федерации // Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. С. 271, 49.

³ Российская газета. 2008. 26 ноября.

⁴ Независимая газета. 2009. 8 апреля.

⁵ Программа антикризисных мер Правительства РФ на 2009 г. // Российская газета. 2009. 20 марта.

⁶ Две головы лучше // Итоги. 2009. 1 июня.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru